

Цели и методы государственной политики по отношению к польским ссыльным – участникам восстания 1863 г.

В настоящей работе автор выявляет цели организации польской ссылки в Сибирь по итогам Январского восстания 1863 г. на материалах Енисейской губернии. Доказано, что главной целью ссылки была ассимиляция поляков с сибирским населением. На этом основании польскую ссылку предлагается считать частью не только карательной, но и национальной политики Российской империи. Спецификой национальной политики Российской империи в отношении ссыльных поляков была именно задача их ассимиляции; в отношении ссыльных других национальностей такая задача не ставилась. Также выявлены методы достижения данной цели, главный из которых расселение польских ссыльных среди старожильского населения в определенной пропорции. На архивном материале автор показывает, что власти следили за соблюдением данного требования.

Ключевые слова: Енисейская губерния, польская ссылка, Январское восстание 1863 г., национальная политика, карательная политика, ассимиляция.

Историю польской ссылки в Сибири вообще и Енисейской губернии в частности можно считать весьма изученной. Еще с начала XX века появились публикации по данному вопросу, прежде всего, воспоминания самих ссыльных. В 1960-е годы происходит активная разработка темы русско-польских революционных связей в Сибири. В более позднее время Б.С. Шостакович на материалах всей Сибири и Е.П. Береговая на материалах Енисейской губернии рассмотрели вопросы адаптации польских ссыльных в сибирском обществе. Вместе с тем, представляется недостаточно изученным вопрос о целях, которые ставило царское правительство, организуя польскую ссылку, и о методах их достижения. Кроме того, представляет интерес рассмотреть польскую ссылку не только в свете репрессивной и карательной политики правительства, но и в свете политики национальной.

Таким образом, целью настоящего исследования является рассмотрения целей и методов государственной политики в отношении польских ссыльных в Сибири в свете национальной политики царского правительства. Источниками послужили делопроизводственные документы, отложившиеся в Государственном архиве Иркутской области и в Российском государственном историческом архиве.

В 1863 г. в Царстве Польском произошло Январское восстание, целью которого было достижение независимости. После его подавления виновные были подвергнуты наказанию в зависимости от степени вины. Они были разделены на пять разрядов, каждому из которых назначалось свое наказание: от

каторжных работ до высылки на поселение. Многие из осужденных отбывали наказание в Сибири¹. В исторической литературе встречаются разные оценки количества последних. Так, Н.П. Митина, с опорой на данные Государственного архива Российской Федерации, указывала на 18 606 человек, сосланных в Восточную и Западную Сибирь за участие в польском восстании². Б.С. Шостакович, по данным Российского государственного исторического архива, называл цифру в 36 459 ссыльных поляков³. Вопрос о численности польских ссыльных в Енисейской губернии менее дискуссионен: и Н.П. Митина, и Е.П. Береговая приводят данные в 4 419 польских ссыльных⁴.

К 1860-м годам у сибирской администрации имелся опыт организации политической ссылки (в т.ч. декабристской и участников польского восстания 1830 г.). Несмотря на это, польская ссылка 1863 г. оказалась неординарным мероприятием: она потребовала новых инструкций и правил и даже создания специальных органов. Е.П. Береговая связывает это с тем, что «царизм впервые столкнулся с таким огромным количеством ссыльных»⁵. Целостная инструкция о порядке расселения поляков была утверждена генерал-губернатором Восточной Сибири только 8 января 1866 г., в то время как первые партии ссыльных начали прибывать в Сибирь (в том числе в Енисейскую губернию) еще в 1864 г. К этому времени относится значительная делопроизводственная переписка между губернскими властями и Главным управлением Восточной Сибири (далее – ГУВС), а также центральными учреждениями, в которых выкристаллизовывались цели польской ссылки и методы их достижения.

Енисейский губернатор 6 июля 1864 г. сообщал председательствующему в Совете ГУВС, что целью правительственной политики в отношении ссыльных поляков является «соединение польского элемента с русским». Обращая внимание на то, что большинство ссыльных поляков – это молодые и, как правило, холостые люди, губернатор предлагает верное средство для достижения поставленной цели: «Размещать их в деревнях отдельно по волостям, уравнивая число их по всем округам Енисейской губернии». В результате поляки были бы вынуждены контактировать с местным населением и жениться на местных

¹ Во избежание путаницы, в настоящем исследовании по отношению к отбывавшим наказание в Сибири полякам всех разрядов употребляется обобщенная категория «польские ссыльные».

² Митина Н.П. Во глубине сибирских руд: к столетию восстания польских ссыльных на Круглобайкальском тракте. М.: Наука, 1966. С.11.

³ Шостакович Б.С. История поляков в Сибири (XVII – XX вв.) Иркутск: ИГУ, 1995. С.87.

⁴ Митина Н.П. Во глубине сибирских руд: к столетию восстания польских ссыльных на Круглобайкальском тракте. М.: Наука, 1966. С.13; Береговая Е.П. Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Красноярск, 2007 С.44.

⁵ Береговая Е.П. Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Красноярск, 2007. С. 73.

уроженках. Губернатор высказывался против создания отдельных польских колоний, поскольку скопление польских ссыльных в одном месте никак не способствовало бы растворению их среди местного населения⁶. Таким образом, Енисейский губернатор прямо заявлял о главной цели, которая преследовалась правительством при организации польской ссылки: ассимиляция поляков с местным русским населением путем заключения браков.

В 1869 г. временный военный начальник Канского округа капитан Ростопчин сообщал, что «поляки и доньне составляют отдельную фракцию в среде прочего населения». Указывая, что этот факт отнюдь не способствует ассимиляции поляков с местными, Ростопчин видел в нем и положительную сторону: «корпорационный дух установил между ними чувство взаимной солидарности, которое поддерживает довольно высоко их нравственный уровень». Ростопчин предлагал меры для достижения правительственной цели: приобретения поляками «оседлости, хозяйства и вступления в брак с туземками⁷». Автор записки считал, что выдача пособий и ссуд полякам способна простимулировать их на занятие земледелием. Причины же нежелания поляков заниматься сельским хозяйством виделись Ростопчину следующими. Во-первых, многие из ссыльных – лица, в прошлом принадлежавшие к привилегированным сословиям и не имевшие опыта земледелия. Во-вторых, многие ссыльные поляки надеялись на то, что их пребывание в Сибири будет непродолжительным: им удастся либо бежать, либо получить амнистию⁸. К названным причинам можно добавить также тот факт, что лица привилегированных сословий имели право на казенное пособие в значительном размере: до 230 рублей в год⁹, что давало им возможность практически не заботиться о поиске работы.

Записка Ростопчина подтверждает, что целью правительственной политики по отношению к ссыльным полякам в Сибири была ассимиляция их с местным населением. Для достижения этой цели власти способствовали заключению браков между поляками и сибирскими крестьянками, а также поощряли занятия земледелием поляками («прочная оседлость»). Следует отметить, что среди ссыльных по польскому восстанию были не только поляки по национальности, но и т.н. «переселенцы из Западных губерний» – как правило, белорусы и украинцы. Чиновник Министерства внутренних дел (далее – МВД) Берестов

⁶ Дело о переселении в Восточную Сибирь политических ссыльных из Царства Польского и западных губерний // Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24 (Главное управление Восточной Сибири). Оп. 10. К. 1664. Д. 189. Л. 63–63 об.

⁷ Имеются в виду русские крестьянки. Термин «туземки» имеет в данном случае не этническую, а территориальную окраску.

⁸ Дело о мерах к предупреждению беспорядков, могущих возникнуть со стороны политических ссыльных в Канском и Минусинском округах Енисейской губернии // ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. К. 1766. Д. 70. Л. 121–122 об.

⁹ Дело о производстве пособия политическим преступникам, сосланным в Восточную Сибирь на поселение за последний польский мятеж из привилегированного звания (за 1864, 1865 и 1866 гг.) // ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. К. 41. Д. 44. Л. 10.

в 1864 г. характеризовал последних как кротких и покорных судьбе, в противоположность полякам: «Уроженцы Царства Польского характера строптивного, непокорны»¹⁰. Но большинство чиновников, формально разделяя в документах поляков и западных переселенцев, не видели между ними значительной разницы. А государственная политика по отношению к ним была одинаковой.

Приобщение ссыльных поляков к земледелию требовало от администрации поиска свободных земель. Еще до поступления в Енисейскую губернию первых партий ссыльных поляков, в переписке между ГУВС и Енисейским губернатором обсуждался вопрос о том, на какие земли заселять поляков. В архивных делах, посвященных организационным вопросам польской ссылки, присутствуют справки о Туруханском крае как о месте, крайне непригодном для проживания. В упомянутом выше донесении Енисейского губернатора 1864 г. последний указывал, что отверг предложение о заселении польских ссыльных в Туруханский край, поскольку эта территория не отвечала целям государственной политики: прочной оседлости поляков и ассимиляции их с местным населением¹¹. 5 августа 1864 г. Управление межевания казенных земель Восточной Сибири доносило в ГУВС о количестве свободных земель, которые имелись в Красноярском и Канском округах¹².

Упомянутая выше инструкция по водворению польских ссыльных, утвержденная в начале 1866 г., носила название «Правила по устройству быта политических ссыльных, посланных в Восточную Сибирь из Царства Польского и западных губерний». Согласно этим правилам, местами проживания поляков в Енисейской губернии стали Усть-Янская, Тасеевская и Ирбейская волости Канского округа и Тесинская и Шушенская волости Минусинского уезда, а также города Минусинск, Красноярск и Енисейск. Власти рассчитали пропорцию, в которой следовало селить поляков, по отношению к старожильческому населению: один ссыльный к 10 душам мужского пола. Достаточно подробно в «Правилах...» была описана процедура полицейского надзора над польскими ссыльными.

Касательно деятельности и занятий ссыльных поляков в Сибири, «Правила...» разрешали полякам заниматься земледелием, ремеслами и наемным трудом. Как видно, администрация стремилась «приучить» поляков к труду: основывающим ремесленную мастерскую или начинающим ведение сельского хозяйства была положена ссуда (п. 19 «Правил...»). Будущие земледельцы получали в пользование земельный надел (п. 5). При этом сфера применения наемного труда поляков была ограничена. «Правила...» установили прямой запрет на службу поляков в государственных учреждениях, работу на золотых приисках, обучение детей, медицинскую практику, занятие извозом и ряд других занятий. Однако оговаривалось, что с разрешения «высшего начальства»

¹⁰ Дело о переселении в Восточную Сибирь политических ссыльных из Царства Польского и западных губерний // ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1664. Д. 189. Л. 160 об.

¹¹ Дело о переселении в Восточную Сибирь политических ссыльных из Царства Польского и западных губерний // ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1664. Д. 189. Л. 65 об.

¹² Там же. Л. 105–107.

большинство из этих запретов в индивидуальном порядке могут быть сняты. И только лишь «заниматься воспитанием детей и преподаванием им наук» (а также извозным промыслом) полякам было запрещено при любых обстоятельствах. С другой стороны, детям ссыльных разрешалось учиться в общеобразовательных учебных заведениях на общих основаниях¹³.

Внимательное рассмотрение «Правил...» показывает, что они служили поставленной цели: ассимиляции поляков сибирским населением. «Правила...» поощряли методы ассимиляции, выработанные в ходе переписки 1864 г.: заключение браков с сибирячками и «приучение» поляков к земледелию. Расселение поляков среди старожильского населения в указанной пропорции должно было ослабить связи между отдельными поляками, помешать формированию среди них землячества, в результате чего они были бы вынуждены налаживать контакты с сибиряками, перенимать у последних, в том числе, материальную и духовную культуру. Наконец, запрет на обучение детей, вероятно, служил тем же целям: власти препятствовали распространению национального польского образования. Разрешение же детям учиться в русских школах, наоборот, должно было способствовать включению маленьких поляков в русскую культурную среду.

Доказательством того, что целью политики правительства была именно потеря поляками национальной идентичности, может служить следующий факт. 21 июля 1865 г. Департамент полиции МВД предписал сибирским губернаторам «принять меры, чтобы пересылаемые под стражею и надзором лица отнюдь не были допускаемы в фотографические заведения»¹⁴. Поводом к такому запрещению стало донесение Волынского губернатора, согласно которому ссыльные поляки присылали из Сибири родственникам свои фотографические портреты, на которых они были «изображены в национальных костюмах и конфедератках»¹⁵. Как можно заметить, власть возмущил факт ношения польской национальной одежды и, тем более, изображение ее на фотографиях. Власть стремилась всячески ограничить доступ поляков к их национальной духовной и даже материальной культуре.

Приведенные в настоящей работе основания позволяют считать польскую ссылку не только элементом карательной политики правительства, но и элементом национальной политики. Обращает внимание, что в отношении ссыльных других национальностей вовсе не ставилась цель ассимиляции: например, ссыльные лютеранского вероисповедания (финны, латыши, немцы и эстонцы по национальности) не расселялись по всей губернии, а заселялись в специальные лютеранские колонии (которые со временем стали моноэтничными поселками) на юге

¹³ Дело о переселении в Восточную Сибирь политических ссыльных из Царства Польского и западных губерний // ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1664. Д. 189. Л. 2–5.

¹⁴ Дело о запрещении политическим ссыльным, сосланным в Сибирь, присылать к своим родственникам фотографий и национальных костюмов и конфедератов // ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. К. 43. Д. 74. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 1 об.

Енисейской губернии¹⁶. Правительство проявляло стремление ассимилировать ссыльных только по отношению к полякам (а также «переселенцам из Западных губерний» – ополяченным белорусам и украинцам). Это неудивительно, поскольку единой, целостной национальной политики в Российской империи не было. Она часто подменялась конфессиональной или сословной: для всех коренных народов Сибири, например, было создано отдельное сословие – «инородцы». Переход в православие мусульман или иудеев часто обозначал для них обрусение. В целом, национальная политика России по отношению к разным народам сильно различалась. Спецификой национальной политики по отношению к полякам в Сибири было стремление их ассимилировать.

Следует отметить, что стремление ассимилировать польских ссыльных вписывается в политику деполонизации Царства Польского и Западных губерний, которая проводилась правительством после подавления Январского восстания. Хотя официально цель уничтожения польской национальности не провозглашалась, практические мероприятия администрации признаются многими специалистами как антипольские¹⁷. По отношению же к польским ссыльным курс на их ассимиляцию был провозглашён официально. Это может объясняться тем, что польские ссыльные являлись, с точки зрения правительства, наиболее радикальными и «отъявленными» носителями «польского духа».

Администрация (как сибирская, так и центральная), отслеживая положение польских ссыльных, обращала свое внимание, прежде всего, на их расселение, заключение ими браков и род занятий (т.е. на те факторы, которые должны были способствовать ассимиляции польского населения). Так, флигель-адъютант Розенбах в своей записке от 24 марта 1867 г. указывал, что ссыльные поляки расселены по Енисейской губернии крайне неравномерно. Особо переселены поляками, по его мнению, были Канский и Минусинский округа. Вследствие этого перенаселения становится невозможным достижение цели правительства в отношении ссыльных поляков, поскольку последние составляли «чуждые местному населению кружки, не имеющие ничего общего с коренными жителями». А главное, что под влиянием общественного мнения других поляков, «холостые не вступают в брак с туземками». Тех же, кто намеревался обзавестись хозяйством, самые ярые польские националисты обвиняли «в неединодушии и измене польской национальности»¹⁸. Генерал-губернатор Восточной Сибири в целом согласился с замечаниями Розенбаха, указав, что

¹⁶ Хоменко Д.Ю. Лютеране в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: межэтнические отношения. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов Международной молодежной научной конференции. Новосибирск, 2014. С. 104–111.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 194.

¹⁸ Приложения к журналам Комитета министров ноября 1867 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263 (Комитет министров). Оп. 1. Д. 3284. Л. 70–71 об.

причинами слабого сближения ссыльных поляков с сибирским населением являлись, во-первых, недоверие к полякам со стороны старожилов, во-вторых, «враждебное настроение ссыльных против всего русского» и даже убеждение поляков «в своем умственном и нравственном превосходстве над русскими»¹⁹.

Енисейский губернатор, донося 16 ноября 1866 г. председательствующему в Совете ГУВС о положении ссыльных поляков, прежде всего, предоставил ведомость об их количестве, местах расселения и соотношении с местным населением. Согласно ей, поляки были размещены по всей губернии, кроме Туруханского края (а не только в Минусинском и Канском округах, как это было предписано «Правилами...»). Кроме того, поляки проживали в ряде волостей Канского и Минусинского округов, не предназначенных для их водворения. Вместе с тем, другой пункт правил (о пропорциях расселения поляков и старожилов: один к 10) был выполнен практически неукоснительно. Так, по Красноярскому округу ссыльные поляки составляли 1 % от старожильского населения тех селений, в которые они были водворены. В Енисейском округе доля поляков составила 2,5 %, а в Ачинском она была минимальной: менее 1 %. Наибольшее соотношение ссыльных поляков к старожильческому населению было достигнуто в Минусинском и Канском округах: в каждом более 6 %. При этом в двух волостях Канского округа этот показатель превысил допускаемые «Правилами...» 10 %: в Усть-Янской волости – 15 %, в Ирбейской – 14 %²⁰. В целом можно сказать, что администрация стремилась выполнить требование инструкции о расселении ссыльных поляков.

Сибирская администрация стремилась не только расселить поляков равномерно по территории губернии, но и обеспечить возможно благоприятное отношение к ссыльным полякам со стороны старожильского населения. Еще в 1864 г., когда в Енисейскую губернию стали поступать первые партии ссыльных, состоявший при МВД чиновник Берестов (по-видимому, курировал организационные вопросы польской ссылки) в донесении Енисейскому губернатору писал: «Старожилы должны быть поставлены в такое отношение к переселенцам, чтобы были заинтересованы прочной оседлостью этих людей (ссыльных поляков – Д.Х.) и смотрели на них, как на будущих односельцев, а не как на батраков, т.е. людей, постоянно бездомных»²¹. Эта задача, по всей видимости, в той или иной степени была выполнена: в 1869 г. упомянутый Ростопчин в своей записке указывал, что многие сибирские старожилы, «зная, что они (польские ссыльные – Д.Х.) на обзаведение получают в ссуду или пособие, охотно выдают за них своих дочерей»²².

¹⁹ Там же. Л. 85–85 об.

²⁰ Подсчитано по: Дело о переселении в Восточную Сибирь политических ссыльных из Царства Польского и западных губерний // ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1664. Д. 189. Л. 284–291.

²¹ Там же. Л. 162.

²² Дело о мерах к предупреждению беспорядков, могущих возникнуть со стороны политических ссыльных в Канском и Минусинском округах Енисейской губернии // ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. К. 1766. Д. 70. Л. 123 об.

Таким образом, изучение делопроизводственной документации позволило выявить цель государственной политики в отношении польских ссыльных: ассимиляция поляков с местным населением посредством браков и «приучения» к земледелию, для чего, в свою очередь, поляков расселяли равномерно среди старожильского населения, стимулировали их к обзаведению хозяйством путем ссуд и выделения земельного надела. Следует признать, что польская ссылка была одновременно элементом карательной и национальной политики Российской империи и вписывалась в контекст общероссийской политики деполонизации после восстания 1863 г.

Библиография

- Береговая Е.П.* Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Красноярск, 2007. 234 с.;
- Дело о мерах к предупреждению беспорядков, могущих возникнуть со стороны политических ссыльных в Канском и Минусинском округах Енисейской губернии // ГАИО. Ф.24. Оп.3. К.1766. Д.70;
- Дело о переселении в Восточную Сибирь политических ссыльных из Царства Польского и западных губерний // Государственный архив Иркутской области. Ф.24 (Главное управление Восточной Сибири). Оп.10. К.1664. Д.189;
- Дело о производстве пособия политическим преступникам, сосланным в Восточную Сибирь на поселение за последний польский мятеж из привилегированного звания (за 1864, 1865 и 1866 гг.) // ГАИО. Ф. 24. Оп.3. К.41. Д.44;
- Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.;
- Митина Н.П.* Во глубине сибирских руд: к столетию восстания польских ссыльных на Круглобайкальском тракте. М.: Наука, 1966. 144 с.;
- Приложения к журналам Комитета министров ноября 1867 г. // Российский государственный исторический архив. Ф.1263 (Комитет министров). Оп.1. Д.3284.
- Хоменко Д.Ю.* Лютеране в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: межэтнические отношения. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов Международной молодежной научной конференции. Новосибирск: Параллель, 2014. С.104–111;
- Шостакович Б.С.* История поляков в Сибири (XVII – XX вв.). Иркутск: ИГУ, 1995. 165 с.